

Ольга Макаревич. Доклад Н. С. Лескова «о способе составления книги против вреда праздности и разгула во время праздников»: текст и комментарий	187
Анна Вишневская. Сонетное мифотворчество П. Д. Бутурлина	230
Владимир Емельянов. Sumero-rossica	239
Анастасия Митина. Символика и мотивы «самой страшной книги» (по эпопее И. С. Шмелева «Солнце мертвых»).	260
Николай Гуськов. Судьба доктора Гурфинкеля (к творческой истории пьес Ю. К. Олеси)	266
Елена Андреянова. Влияние супрематических идей К. Малевича на поэтические концепции пространства в творчестве Г. Айги 1960–1980-х годов	289

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (ответственный редактор),
О. В. Макаревич, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

Тираж 500 экз.

2017 XIII (3)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Летняя школа по русской литературе

2017 (3)

**международная летняя школа
по русской литературе**

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель

К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)

Проф. И. Ю. Виницкий (Филадельфия, США)

Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)

Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)

Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)

Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)

Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

№ ПИ № ФС 77 - 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letnáâ škola

Сдано в печать 22 декабря 2017 года

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Информация об авторах

Ольга Макаревич, кандидат филологических наук, научный редактор журнала «Русская литература», Санкт-Петербург, Россия
philologolga@gmail.com

Анна Вишневская, магистрант Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия
arianakosareva@gmail.com

Владимир Емельянов, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
banshur69@gmail.com

Анастасия Митина, студентка Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия
nastya.mitina@rambler.ru

Николай Гуськов, кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
kakto@mail.ru

Елена Андреевна, студентка Ивановского государственного университета, Иваново, Россия
lenaluna139@yandex.ru

© Авторы статей, 2017

© «Летняя школа по русской литературе», 2017

АННА ВИШНЕВСКАЯ
(Ставрополь)

СОНЕТНОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО П. Д. БУТУРЛИНА

Статья посвящена рассмотрению источников мифопоэтических образов и их интерпретациям в «славянских» сонетах П. Д. Бутурлина.

Ключевые слова: П. Д. Бутурлин, пресимволизм, сонет, миф, славянская мифология.

The article is devoted to consideration of sources of images and their interpretation in the «slavic» sonnets of P. D. Buturlin.

Keywords: P. D. Buturlin, presymbolism, sonnet, myth, Slavic mythology.

Обращение к европейским стихотворным жанрам на рубеже XIX–XX веков было актуально в связи с формированием новой модернистской парадигмы в искусстве и литературе, ориентиром для которой стали западно-европейские модели. Поэт-пресимволист П. Д. Бутурлин был одним из основоположников представления о сонете как жанрово-строфической форме, моделирующей культурно-символический образ мира. По словам историка В. В. Блохина, в этот период в России «единое мировоззрение расщепилось, дифференцировалось, возникли многообразные формы идейной и интеллектуальной жизни, явственными были проявления полиморфизма культуры», появилась «жажда религии», «интенсификация» культурных связей с Европой формировала новый космополитический образ человека.¹ На фоне «выявления несостоятельности позитивизма», религиозного кризиса, вызванного «падением авторитета христианства», возник эстетический

¹ Блохин В. В. Критика народнического мировоззрения интеллигенции А. Л. Волынским и В. В. Розановым (конец 1880-х — начало 1890-х) // Народники в истории России: Межвузовский сб. научных трудов. Воронеж, 2013. Вып. 1. С. 280–281.

кризис в литературе.¹ Именно в таком культурном контексте, преимущественно используя не востребовавшую реализмом форму сонета, Бутурлин состоялся как поэт.

З. Г. Минц считает, что в 1880-х годах, когда начинался русский поэтический путь Бутурлина, в поэзии стали появляться пласты, близкие искусству символизма, которые можно объединить понятием «пресимволизм»: лирика «школы Фета», «философская поэзия» восьмидесятников, стилистические поиски «натуралистического», «импрессионистического», «неоромантического» характера и ряд других явлений.²

До сих пор в стиховедении феномен пресимволистов и их вклад в культуру России не до конца осмыслен, поэтому поэтическая индивидуальность Бутурлина, предвосхитившая русский символизм, остается не раскрытой. Минц определяет следующие тенденции, характерные для пресимволизма: 1) отказ от установки на полное бытовое правдоподобие; 2) повышение меры художественной условности текста; 3) интерес к фольклору и литературной легенде; 4) склонность к созданию универсальной, иногда пантеистической картины мира; 4) интерес к философским проблемам бытия; 5) усиление эмоционализма и поэтики антитез, которое иногда приглушалось другой стилиевой тенденцией, возникшей в 1880-х годах, — стремлением к объективному повествованию, сопровождающемуся отказом от прямой авторской оценки; 6) поликультурность, которая выражается в контаминации литературных традиций, исторически отдаленных друг от друга.³

Сонет в эпоху пресимволизма так же популярен, как в творчестве романтиков. Смена художественных направлений не отменила общего стремления сонета гармонически отражать художественную реальность, строгости соблюдения текстовых пропорций, но дополнила его содержательные возможности, разнообразила антиномические отношения. Сонет

¹ Щенникова Л. П. Русская поэзия 1880–1890-х годов как культурно-исторический феномен: Автореферат дисс. ... доктора филол. наук. Екатеринбург, 2003. С. 4.

² Минц З. Г. Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 163.

³ См.: Там же. С. 165, 168.

оказался способным к имитации мифического сказания с сохранением жанровой традиции.¹

Во второй половине XIX века достаточно интенсивно развивались филологические исследования славянской мифологии, источника сонетных интерпретаций Бутурлина. К этому времени вышли труды А. Н. Афанасьева, А. А. Потебни, Ф. И. Буславина, которые для многих писателей и поэтов были значимым источником, повлиявшим на их представление о феномене мифа в целом. Понимание мифа как символической формы в концепции Потебни близко пресимволистам, поэтому мифологический сюжет пользовался популярностью.² Кроме того, Потебня выдвигал идею о тесной связи языка, поэзии и мифологии, что также было созвучным их творческим настроениям.³

Попытка обоснования собственной мифологии, опирающейся на древнерусскую культуру, обнаруживается в сонетном творчестве Бутурлина. Это, конечно, не было новой религией или трактовкой славянского мифа с претензией на истинность в последней инстанции, а являлось интеллектуальной поэтической игрой, ставшей способом символического освоения культуры.⁴

Одним из источников образов, по всей видимости, послужило сочинение Г. А. Глинки «Древняя религия славян» (1804). В данном им систематическом описании славянского пантеона присутствует Мерцана, лирическая героиня одного из «славянских» сонетов Бутурлина. Согласно описанию Глинки, богиня Мерцана покровительствует жатве, представляя собой зарю.⁵ В числе божеств, покровительствующих человеку, Глинка перечислил Перуна, Дажьбога, которые, подобно Мерцане, стали центральными образами сонетов Бутурлина и выполняли функции, предписанные в «Древней религии славян» («Перун, движение эфира, гром»; «Дажьбог, благополучие»)⁶

¹ Останкович А. В., Федотов О. И., Шпак Е. В., Крупинина В. Д. «Нетвердость» твердых форм стиха как условие реализации их синергетического потенциала. Ставрополь, 2012. С. 9.

² См.: Топорков А. Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века. М., 1997. С. 401.

³ Там же. С. 404.

⁴ См.: Щенникова Л. П. Русская поэзия 1880–1890-х годов как культурно-исторический феномен. С. 5.

⁵ См.: Глинка Г. А. Древняя религия славян. Митава, 1804. С. 12.

⁶ Там же.

Жанрово-строфическая форма сонета сама по себе является элементом символизации текста, особенно у Бутурлина, последовательно воссоздававшего ее европейские версификации: итальянскую (*abab abab (abba abba) cdc dcd (cde cde)*); французскую (*abba abba ccd eed (ccd ede)*) и английскую (*abba abba cddc ee, abab abab cdcd ee* или *abab cdcd efefe jj*). Использование итальянского типа говорит об обращении к основам сонета, определившим гармонию архитектурного строения, идеи симметрии, пропорции, основанные на строгом соотношении катренов и терцетов.¹ Так, в сонете «Дажьбог», в котором Бутурлин на основе известных ему источников придумывает сюжет о происхождении русского народа от союза Дажьбога, бога солнца, с земной женщиной, «дочерью Днепра». Миф реализован как бинарная структура: его первая часть, помещенная в катрены, воплощает момент предчувствия встречи двух влюбленных, а вторая терцетная часть — саму встречу, с последующим пробуждением всей природы:

Но стала вдруг кругом прекраснее природа,
Свет ярче искрился и зной страстней дышал...²

Союз «но» в 9-м стихе служит переходом между структурно-значимыми частями, не противопоставляя их, а предвосхищая кульминацию в первом терцете.

Бутурлин романтизирует образ «матери русского народа», но осмысливает его по-европейски, во-первых, привлекая строгую итальянскую форму сонета, а во-вторых, с помощью стихов 6-стопного ямба создавая подобие европейскому александрийскому стиху, считавшемуся «героическим» (как правило, александрийский стих употреблялся в эпосе и драме, показывая этим принадлежность к «высшим родам поэзии»³). Таким образом, сонет «Дажьбог» — это

¹ Останкович А. В., Федотов О. И., Шпак Е. В., Крупинина В. Д. «Нетвердость» твердых форм стиха как условие реализации их синергетического потенциала. С. 12–13.

² Бутурлин П. Д. Сонеты. СПб., 1895. С. 35.

³ Александрийские стихи // Энциклопедический словарь / Под ред. И. Е. Андреевского; Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1890. Т. 1. С. 376.

сознательное подражание эпическому сказанию о происхождении русской народности.

Теперь обратимся к «французским» сонетам о славянских богах «Перун», «Мать-Сыра-Земля». Ориентируясь на труд Глинки, Бутурлин связывает с Перуном стихию грома и молний. Внушительный образ создается с помощью эпитетов «царь-богатырь», «монарх лазурной степи». К французскому типу мы относим данный сонет условно, так как в нем наблюдается специфическая рифмовка *aBbA aBaB ccD eeD*. Во французской поэзии обычно предпочитались сочетания охватной рифмовки в катренах и перекрестной в терцетах или, наоборот, перекрестной в катренах и закрытой в терцетах, т. е. *ABBA ABBA CCD EDE* или *ABAB ABAB CCD EED*, реже встречался контаминированный тип *ABBA ABBA CCD EED*.¹ В сонете «Перун» не наблюдается единообразной рифмовки в катренах, что противопоставляет катрены не только терцетам, но и друг другу. Каждая субстрофа сонета — один из четырех этапов наступления грозы, которую Бутурлин символически связывает с Перуном. Первый этап представляет собой картину ожидания природы:

Чего-то ждет земля... Нет вечного шуршанья
Меж золотых хлебов; утих шумливый лес,
И в душном воздухе нет песен, нет сиянья...
Вдруг вихорь налетел... и вдруг исчез.²

В сонете «Перун» ярко выражен перебой ритма в усеченном на одну стопу 4-м стихе «Вдруг вихорь налетел... и вдруг исчез». Перебой ритма здесь закономерен, так как в этом стихе наблюдается переход от статичного состояния природы к стихийному, что отражено в следующем за ним втором катрене:

И стала тяжелей истома ожиданья...
Но где-то на краю чернеющих небес
Сверкнула молния, — порывом ликованья
Веселый грянул гром и ветер вновь воскрес...³

¹ Гаспаров М. Л. Русский стих начала XX века в комментариях. М., 2004. С. 241.

² Бутурлин П. Сонеты. С. 23.

³ Там же.

В первом терцете связь земли и неба становится очевиднее: «И туча двинулась... несется ниже, ниже, / Как будто льнет к земле...». В заключительном терцете предстает виновник возмущения стихий:

Царь-богатырь Перун, монарх лазурной степи,
К любовнице спешит во всем великолепии
И к ней на грудь упал с нахлынувшим дождем.¹

Пространство сонета организовано вертикалью движения Перуна от неба до земли. Первым знаком его скорого появления был «вихорь», затем «молния», «веселый гром», «туча». Неопределенные местоимения «чего-то», «где-то», подчинительный сравнительный союз «как будто» создают впечатление неопределенности. Звукопись, близкая по стилю к Пушкину («Послание к Юдину», «Мордвинову») и Фету («Я потрясен, когда кругом...»), в 11-м стихе усиливает присутствие Перуна: «Блится молния, **грохочет громче гром**». В завершающем терцете Перун представлен в ипостаси любовника, что создает аллюзию античного мифа о Зевсе и Данае. Сравнение Перуна с верховным богом Олимпа, наряду с эпитетами «царь-богатырь», «монарх лазурной степи», возводит его на вершину славянского пантеона богов.

«Мать-Сыра-Земля» — итало-французский сонет (перекрестная рифмовка катренов от итальянской, терцеты со смежной рифмовкой 9–10-го стихов от французской версификации сонетов), воссоздающий монолог: «Я — Мать-Сыра-Земля! Я — гроб и колыбель!..», — в первом стихе которого выражена двуединая суть богини, заключающаяся в ее власти и над жизнью, и над смертью. Заглавие и первая строка задают инвариант, вокруг которого построены структурно-смысловые части. В первой части показано взаимодействие богини с «голосами творенья», с тем, что создает музыкальное начало природы («гроза», «соловей», «море», «метель»). Во второй — актуализируется связь с флорой, осуществляемая благодаря содействию других богов:

Живит меня Перун, меня ласкает Лель;
Из недр моих к лучам и к радости цветенья

¹ Там же.

Стремится тонкий злак и царственная ель,
И мне, о, человек, неведомы мученья.¹

Мать-Сыра-Земля не отмечена в перечне божеств Глинки, но данный образ был широко распространен в обрядовых песнях. О ее божественных функциях упоминал А. Н. Афанасьев: «...в эпическом языке сказок и песен постоянно повторяющееся выражение: мать сыра земля означает — землю увлажненную, оплодотворенную дождем, и потому способную стать матерью».²

О сонетном мифотворчестве Бутурлина можно сказать, что оно тяготеет к презентации ряда славянских богов как пантеона: функции богов распределены и не перекликаются между собой, имя божества в ряде случаев упоминается в сонетах, который посвящен персонально не ему, или показано взаимодействие с другими богами. Реализация взаимодействия богов друг с другом в сонетном мифе — один из аспектов персонификации лирического героя. Например, персонификация в сонете «Мать-Сыра-Земля» осуществляется не только в отождествлении земли с образом матери, но и в наделении ее способностью взаимодействовать с другими персонифицированными образами природы — богами Перуном и Лелем. По мнению А. Л. Топоркова, в результате «специфической интерпретации» припевов обрядовых песен и несовершенных приемов научного исследования у божества любви и брака появились варианты Лель, Лада, Полель.³ Бутурлин в сонете «Мать Сыра Земля» интерпретирует Леля как бога любви в 5-м стихе: «Меня живит Перун, меня ласкает Лель».

В отличие от Леля, Ладу посвящен целый сонет, выполненный в английской версификации. В сонете «Лад» в круг божественных функций входят «свадебные пиры», «песни радостные», «честные обещания». Имя Лель этимологически

¹ Там же. С. 24.

² Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 3 т. М., 1995. Т. 1. С. 67.

³ Топорков А. Л. Кабинетная мифология // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 2002. С. 212.

связано с «лелеять», а источник имени Лад — существительное, означающее «мир, согласие, отсутствие вражды».¹ Если Лель в определенной степени признавался божеством, то Лад — трансформированное представление о богине Ладе.

В сонетной интерпретации Бутурлина оба божества, покровительствующие влюбленным, относятся к мужскому полу, что сближает их с древнегреческими Эротом и Гименеем. Лель, как и Эрот, является богом любви, а Лад, по версии Бутурлина, выполняет функции Гименея, божества брака.

Идейное переосмысление мифа, реализация его в форме сонета не только интерпретировало сам миф-первоисточник, но и преодолевало установленные традиции жанрово-строфической формы. Невостребованная в период реализма жанрово-строфическая форма сонета становится в поэзии Бутурлина одной из жанровых форм, свойственных интеллектуальной поэзии, как это было и ранее. Использование сонета как формы, раскрывающей сущность мифического образа, закономерно в связи со способностью сонета выражать ментальное начало.

Бутурлин моделировал славянское язычество по образцу античной мифологии и тем самым подчеркивал родство европейской и русской культур. Рассмотренные сонеты являются в полной мере мифотворчеством, так как они поэтически объясняют целостность мира. Пресимволисты очертили круг важных проблемно-тематических аспектов символизма, в том числе обращаясь к мифу как к символу, или к символам, представляющим тот или иной миф.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 3 т. М., 1995. Т. 1.
2. *Блохин В. В.* Критика народнического мировоззрения интеллигенции А. Л. Волынским и В. В. Розановым (конец 1880-х — начало

¹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1881. Т. 2. С. 237.

- 1890-х) // Народники в истории России: Межвузовский сб. научных трудов. Воронеж, 2013. Вып. 1. С. 278–287.
3. *Бутурлин П. Д.* Сонеты. СПб., 1895.
 4. *Гаспаров М. Л.* Русский стих начала XX века в комментариях. М., 2004.
 5. *Глинка Г. А.* Древняя религия славян. Митава, 1804.
 6. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1881. Т. 2.
 7. *Миц З. Г.* Поэтика русского символизма. СПб., 2004.
 8. *Останкович А. В., Федотов О. И., Шпак Е. В., Крупинина В. Д.* «Нетвердость» твердых форм стиха как условие реализации их синергетического потенциала. Ставрополь, 2012.
 9. *Пивовев В. М.* Мифологическое сознание как способ освоения мира. Петрозаводск, 1991.
 10. *Топорков А. Л.* Кабинетная мифология // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 2002. С. 212.
 11. *Топорков А. Л.* Теория мифа в русской филологической науке XIX века. М., 1997.
 12. *Щенникова Л. П.* Русская поэзия 1880–1890-х годов как культурно-исторический феномен: Автореферат дисс. ... доктора филол. наук. Екатеринбург, 2003.
 13. Энциклопедический словарь / Под ред. И. Е. Андреевского; Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1890. Т. 1.